

— С Е Р Г Е Й А Н Т О Н О В —

ВЕДЬМАК В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ **ВЕКЕ**

История о любви, магии и человеке,
который проснулся не в своём веке

Сергей Антонов

**Ведьмак в двадцать первом
веке. История о любви,
магии и человеке, который
проснулся не в своём веке**

«Автор»

2026

Антонов С.

Ведьмак в двадцать первом веке. История о любви, магии и человеке, который проснулся не в своём веке / С. Антонов — «Автор», 2026

Три столетия — ничтожная дистанция, если речь идёт о человеческой глупости. Савелий Чертополохов, ведьмак XVII века, ошибается в зелье и просыпается в XXI: его дом стал музеем, котёл — экспонатом, а любовь теперь выбирают движением пальца по экрану. Увы, техника победила расстояние, но не страх быть отвергнутым, одиночество и вечное желание заставить другого нас любить. Савелий умеет варить зелья, разговаривать с котом и исправлять старые магические ошибки. Но он бессилен перед женщиной, которую нельзя и впервые не хочется заколдовывать. Пока прошлое требует расплаты, ему предстоит освоить самое трудное колдовство: не заставить другого остаться, а самому рискнуть быть увиденным. Смешной, колючий и удивительно тёплый роман о том, что прогресс изменил всё, кроме человеческого сердца. А потому любовь и в XXI веке остаётся самой опасной магией.

Содержание

Введение	5
Чайник, который кипел без огня	8
Дом, который продавался вместе со мной	17
Первое свидание без зелья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Антонов

Ведьмак в двадцать первом веке.

История о любви, магии и человеке, который проснулся не в своём веке

Введение

В моей прежней жизни всё, что требовало ума, делалось медленно. Настой из сердечной травы стоял у печи три ночи. Зелье от лжи требовало, чтобы его помешивали левой рукой, пока правая держит в кармане серебряную пуговицу. Даже простая мазь от занозы получалась лучше, если перед этим полчаса не ругаться. Не потому, что мазь обижалась. Просто ругань сбивала счёт каплям.

Теперь же люди хотят, чтобы мир отвечал сразу. Они касаются пальцем стеклянной дощечки, и там появляется погода, чужое лицо, ругань, карта, пирог, обещание любви, инструкция к чайнику, который кипятит воду без огня. Я впервые увидел этот чайник в доме, который когда-то был моим, а теперь назывался «музейным объектом регионального значения». На табличке у двери было написано, что здесь, предположительно, жил неизвестный знахарь конца семнадцатого века. Я стоял перед этой табличкой в собственных сапогах, с собственным котом на руках, и долго думал, что именно в слове «предположительно» хочется проклясть первым.

Кота звали Репей. Он был белым, толстым, нахальным и считал себя главным последствием сотворения мира. В старом времени он питался мышами, куропатками и тем, что я не успевал убрать со стола. В новом времени он за три дня научился узнавать звук открывающегося пакетика с рыбным кормом, после чего окончательно решил, что прошлое было ошибкой. Я, в отличие от него, поначалу держался за прошлое обеими руками. Там у меня были ступка, котёл, дубовая метла, шкаф с травами, долги перед сапожником и несколько людей, которым я должен был вернуть деньги или хотя бы не попадаться на глаза. Здесь у меня была музейная кровать за ограждением, холодильник, в котором молоко жило дольше честного торговца, и телефон, где женщины улыбались так, будто у каждой за спиной стоял художник с мягкой кистью и доброй совестью.

Эта книга не о том, как я стал современным человеком. Я им до сих пор не стал. Современный человек идёт через улицу, не читая молитву всем лесным духам по порядку. Современный человек покупает хлеб, не спрашивая у продавца, не подмешан ли туда мел от жадности. Современный человек говорит «созвонимся» и не испытывает ужаса от мысли, что голоса можно вытаскивать из воздуха, как рыбу из пруда. Я же первое время кланялся микроволновой печи, потому что она гудела с достоинством небольшого божества. Потом мне объяснили, что это не божество, а бытовой прибор. Разница, как выяснилось, в том, что бытовой прибор можно вернуть по гарантии. С божествами это редко удавалось.

Эта книга о любви, что хуже. Любовь пережила чуму, войны, смену шляп, исчезновение добрых плащей, появление брюк на женщинах, исчезновение стыда у мужчин в коротких штанах и изобретение маленьких картинок, где люди показывают еду перед тем, как её съесть. Любовь изменила одежду, но не повадки. Она всё так же заставляет умного человека стоять под дождём, писать глупости, бояться молчания, проверять, не ответили ли ему, хотя ответить никто не обещал. Только раньше человек ждал гонца, а теперь смотрит на экран. В остальном страдание осталось почти нетронутым прогрессом.

Я не собирался искать любовь в двадцать первом веке. Честно говоря, я и в семнадцатом делал это не слишком успешно. У меня была репутация человека полезного, но неприятного. Ко мне приходили за мазью от бородавок, порошком от ночных криков, узелком от дурного глаза, иногда за любовным отваром, хотя я всегда предупреждал, что такие вещи возвращаются к хозяину боком. Люди слушали предупреждение, кивали, а потом спрашивали, нельзя ли сделать порцию покрепче. В этом смысле века тоже мало что изменили. Сейчас человек говорит, что хочет здоровых отношений, а сам выбирает того, кто отвечает через три дня и ставит многоточия как капканы.

Меня звали Савелий Чертополохов. В наших местах фамилии обычно происходили от того, что росло возле дома, застревало в шерсти скота или однажды испортило кому-нибудь свадьбу. Чертополох испортил свадьбу моему прадеду: зацепился за штанину жениха, тот споткнулся, упал лицом в пирог и так рассмешил невесту, что она всё равно за него вышла. Хорошая была женщина, судя по семейным рассказам. С тех пор у нас в роду считалось, что колючая вещь может принести счастье, если не требовать от неё мягкости.

Мне было сорок два года в тот день, когда я сварил отвар, который не собирался варить. Сорок два в моём времени считались возрастом серьёзным, но не окончательным. Человек уже начинал вздыхать, поднимаясь с лавки, но ещё мог рубить дрова и строить планы. Мой план был прост: сделать настой, который помогал бы людям слышать правду от любимого человека, не бросаясь сразу в слёзы, драку или монастырь. Хорошая вещь для брака. В браке, как я наблюдал на заказчиках, большинство бед происходило не от недостатка любви, а от того, что люди произносили правду так, будто бросали камень в окно.

Настой должен был быть мягким. Пять лепестков ночной мальвы, три волоска с хвоста чёрного козла, щепоть соли, капля уксуса, перо болотной совы. Последний ингредиент я перепутал. Не сильно, как мне тогда показалось. Перо совы и перо зеркальной сороки лежали рядом, а Репей именно в тот момент решил, что ему необходимо пройти по столу и проверить, не завелась ли в ступке еда. Я оттолкнул кота, ругнулся, сбился, бросил не то перо, а потом, чтобы не терять ночь, добавил вторую щепоть соли. Опытный человек поймёт: в магии вторая щепоть соли чаще всего означает, что утром придётся мыть потолок.

Потолок я не помыл. Я его потерял.

Когда пар из котла ударил мне в лицо, я успел подумать только о том, что настой пахнет не правдой, а горелыми яблоками. Потом пол ушёл вниз, стены стали прозрачными, Репей завыл так, будто увидел собаку размером с церковь, и всё моё хозяйство сжалось в одну горячую точку. Я упал на спину уже в другом времени. Надо мной висела лампа без пламени, вокруг стояли люди в странной одежде, а одна женщина с бейджем на груди говорила группе посетителей: «Перед вами реконструкция быта деревенского целителя. Обратите внимание на котёл. Он, конечно, не использовался для настоящей магии, но помогает создать атмосферу».

Я лежал под этим котлом, вытирал с лица пыль трёх веков и понимал, что у атмосферы сегодня будет тяжёлый день.

Можно было бы сделать вид, что я быстро освоился. Это было бы красиво, но враньё. Первую неделю я подозревал лифт в людоедстве. Вторую неделю учился не вскрикивать при виде автоматических дверей. На третьей неделе меня познакомили с интернетом, и я понял, что человечество получило доступ ко всем знаниям мира и использует его, чтобы спорить с незнакомцами о супе. На четвёртой неделе я узнал о сайтах знакомств. Это случилось вечером, когда директор музея, женщина с деловым лицом и добрым сердцем, принесла мне телефон и сказала, что, если я собираюсь оставаться в их времени, мне нужно заводить социальные связи.

Я спросил, продаются ли они на рынке.

Она устала посмотрела на меня и открыла приложение, где мужчины и женщины выбирали друг друга, проводя пальцем по экрану. Мне объяснили, что это современное сватовство. Без свахи, без козы в подарок, без обсуждения приданого, без тёток за занавеской. Человек сам

показывает себя миру: вот моё лицо, вот мой возраст, вот я на фоне моря, вот я с собакой, вот я умею держать бокал, вот я люблю путешествия, честность и хороший кофе. Никто не писал: «я храплю», «я боюсь разговоров о деньгах», «я исчезаю, когда мне становится неловко», «я ищу не любовь, а доказательство, что меня ещё можно хотеть». В этом я сразу узнал людей. Век меняется, а человек всё так же выставляет на окно яблоки без червоточин и прячет под лавкой ведро гнили.

Директор музея сказала, что мне тоже нужен профиль. Я отказался. Потом увидел, как она показала мне фотографию мужчины моего возраста, который написал: «ищу ведьму с чувством юмора». Я сказал, что это оскорбительно. Она сказала, что это шанс. Репей сказал, что шансом пахнет только пакет с тунцом, но его мнения никто не спрашивал.

С этого и началась моя новая жизнь: между котлом и электрическим чайником, между старой магией и новой суетой, между страхом потерять себя и желанием, чтобы хоть один человек посмотрел на меня не как на музейную редкость. Я не стал моложе, мудрее или приятнее. Я не нашёл волшебного ответа на вопрос, зачем люди мучают друг друга ожиданием. Я только понял, что любовь в любом времени требует одного и того же: выйти из дома, где всё знакомо, и рискнуть выглядеть смешно.

Для человека с моей гордостью это почти смертельное занятие.

Но я всё равно вышел.

Чайник, который кипел без огня

Чайник, который кипел без огня

В тот день, когда я впервые увидел Лидию Орлову, у меня в кармане лежал засушенный язык ящерицы, три булавки, кусок мела, телефон с трещиной поперёк экрана и записка, где крупными буквами было написано: «НЕ УГРОЖАТЬ ПОСЕТИТЕЛЯМ ПРОКЛЯТИЯМИ ДО ОБЕДА». Записку написала Нина Сергеевна, директор музея. Она считала, что после обеда люди уже устают и угрозы воспринимают как часть программы. Я считал, что человек, пришедший в чужой дом и тычущий пальцем в чужой котёл, сам выбирает судьбу. Мы сошлись на компромиссе: до обеда я улыбался. Получалось плохо, но старался.

Музей открывался в десять. Раньше в это время я обычно уже успевал нарубить дров, проверить силки, сварить кашу, обругать Репея за попытку украсть сало и поставить на огонь какой-нибудь заказ. Теперь я в десять стоял у двери собственного дома, который перестал быть моим, и слушал, как Нина Сергеевна объясняет первой группе посетителей правила. Не трогать экспонаты. Не кормить кота. Не заходить за верёвочное ограждение. Не задавать артисту личных вопросов.

Последнее правило она добавила после того, как одна школьница спросила, почему у меня нет жены, если я такой древний. Я ответил, что жён разогнали волки. Школьница расплакалась. Её учительница написала жалобу. Нина Сергеевна потом долго объясняла мне, что современному человеку можно врать только в тех случаях, когда он заранее купил билет на представление.

Первой вошла семья с двумя мальчиками, которые сразу же увидели Репея. Репей лежал на лавке, свесив одну лапу и изображая больного аристократа. Мальчики приблизились к нему с выражением охотников на крупного зверя. Репей открыл один глаз. Я успел сказать: «Не стоит». Старший мальчик уже тянул руку.

Кот ударил мягко, без когтей. Он тоже старался до обеда.

Мальчик отдернул руку, мать сказала: «Какой характерный котик», а отец сфотографировал всё это с восторгом человека, который заплатил за билет и получил больше, чем ожидал. Я помешал в котле деревянной ложкой. В котле кипел морс из клюквы, потому что Нина Сергеевна запретила мне варить настоящие зелья во время экскурсий. По её словам, страховая компания не покрывала превращение посетителей в жаб. Я спросил, покрывает ли она обычную глупость. Она сказала, что если бы покрывала, страховые компании разорились бы за неделю.

Я рассказывал посетителям о травах. Честно рассказывал. Про зверобой, который помогает не от разбитого сердца, а от ран и плохого сна. Про полынь, которую люди любят тащить в любовные отвары, хотя от любви полынь помогает так же, как холодная вода помогает от пожара в кузнице. Про мяту, которая успокаивает желудок лучше, чем совесть. Посетители слушали, улыбались, снимали меня на телефоны. Иногда я забывал, что должен быть «персонажем», и говорил слишком серьёзно. Тогда они начинали слушать внимательнее.

Так было и в тот раз. Я объяснял, почему нельзя просить у травы больше, чем она может дать.

«Любая вещь имеет предел, - сказал я. - Человек хочет, чтобы настой сделал его смелым. А настой может только убрать дрожь в руках. Смелость всё равно придётся добывать самому. Человек хочет, чтобы любовное питьё привело к нему нужную женщину. А питьё может только на короткое время распахнуть дверь, которую он потом сам же захлопнет своей трусостью, жадностью или привычкой говорить о себе два часа подряд».

Отец мальчиков засмеялся первым. Потом засмеялись остальные. Я не понял почему. Это было не смешное место.

После первой группы была вторая, потом третья. К полудню я устал от улыбки так, будто таскал камни. Репей устал от людей и ушёл под кровать, где хранил собственное мнение о культуре. Нина Сергеевна заглянула в дом, проверила, не проклят ли кто-нибудь, и оставила на столе пакет с булкой и сыром. Булку я узнал. Сыр тоже. Пакет, правда, выглядел так, будто его сделали из застывшего воздуха.

Я ел у окна и смотрел на парк. Раньше за этим окном был лес. Не красивый парк с дорожками, урнами и людьми, которые бегут без видимой погони, а настоящий лес: мокрый, тёмный, шумный, с корнями, о которые спотыкаешься, и птицами, которые ругаются лучше пьяных плотников. Я знал там каждую тропу. Знал, где растёт сонная крапива, где по весне выходят белые грибы, где лучше не ходить после дождя, потому что земля становится жадной и тянет сапоги вниз. Теперь там стояли фонари, лавочки, павильон для свадебных фотографий и табличка «Газон не выгуливать».

Я долго пытался понять, кто кого не должен выгуливать.

Телефон пискнул. Я вздрогнул, хотя за месяц уже должен был привыкнуть. На экране всплыло сообщение от Нины Сергеевны: «После обеда придёт журналистка. Будет материал о музее. Веди себя нормально».

Я написал в ответ: «Нормально для какого века?»

Она прислала лицо, которое смеялось до слёз. Сначала я решил, что у неё случилась беда с глазами. Потом вспомнил, что современные люди часто выражают чувства жёлтыми кружками. Удобно, наверное. В моё время, если человек плакал от смеха, это было видно без кружков.

Журналистка пришла в половине второго. Я понял, что это она, ещё до того как Нина Сергеевна представила её. Посетители входят в музей одинаково: сначала смотрят на потолок, потом на котёл, потом на меня, потом снова на котёл, потому что котёл не отвечает взглядом. Эта женщина вошла иначе. Она остановилась у порога и не стала сразу доставать телефон. Посмотрела на пол, на стены, на тёмные балки, на полки с пустыми пузырьками, на мой старый стол. Не жадно, а внимательно. Как человек, который понимает: в чужом месте надо сначала помолчать.

На ней было тёмно-синее пальто, хотя день был тёплый. Волосы собраны на затылке, лицо спокойное, усталое, без той вечной яркости, которую я видел на фотографиях в приложении для знакомств. Ей было, наверное, около сорока. В моём времени про такую женщину сказали бы: пора бы быть при доме, при муже, при детях, при заботах, которые не спрашивают, хочешь ты их или нет. В этом времени женщина могла стоять одна в дверях, держать в руках блокнот и смотреть так, будто сама выбирает, куда идти дальше. Мне это понравилось. И немного напугало.

«Савелий Чертополохов?» - спросила она.

«Предположительно», - ответил я.

Нина Сергеевна кашлянула у неё за спиной. Журналистка подняла бровь.

«Лидия Орлова. Я пишу для городского журнала. Хотела поговорить с вами о новом формате музея».

«О формате можно поговорить с Ниной Сергеевной. Я здесь отвечаю за котёл, угрозы и атмосферу».

«Атмосфера как раз интереснее всего».

Она сказала это без улыбки, и мне стало сложнее прятаться за привычную колючесть. С людьми, которые смеются, проще. Их можно уколоть, и они уходят довольные, будто получили сувенир. С людьми, которые слушают, надо либо говорить правду, либо молчать. Я не любил оба занятия, если рядом не было горячего чая.

«Чай будете?» - спросил я.

Нина Сергеевна схватилась за виски. Она боялась, что я снова начну показывать гостям электрический чайник как чудо инженерной магии. Но Лидия кивнула.

«Буду. Без сахара».

Я уважительно посмотрел на неё. Человек, который пьёт чай без сахара, или силен духом, или уже многое пережил.

Электрический чайник стоял на отдельной тумбе. Я всё ещё не доверял ему до конца. Он кипятил воду быстро, послушно, без дыма и без просьб подложить полено. В первый день я решил, что внутри сидит маленький огненный дух. Нина Сергеевна открутила крышку и показала железное дно. Дух не обнаружился. Это не успокоило меня. Некоторые духи как раз тем и опасны, что не обнаруживаются.

Пока вода грелась, Лидия смотрела на мои руки. Не на лицо, не на костюм, не на котёл. На руки. Руки выдавали меня сильнее, чем одежда. Пальцы в мелких шрамах, ногти короткие, кожа сухая от трав, огня и старого мыла. Мне выдали современный крем, но я забывал им пользоваться. В моём времени мужчина, который каждый вечер мажет руки пахучей мазью без медицинской причины, вызвал бы вопросы. В новом времени, как мне объяснили, вопросы вызывает мужчина, который этого не делает.

«Вы правда сами пишете рецепты для демонстраций?» - спросила Лидия.

«Для демонстраций пишу безопасные. Для себя другие».

«Другие это какие?»

«Которые не нравятся страховой компании».

Она записала. Я пожалел, что сказал. Журналисты, как выяснилось, похожи на сорок: хватают блестящее и уносят в гнездо текста.

Мы сели за стол. Точнее, она села, а я сначала убрал со стула Репей. Репей оставил на меня взгляд, означавший, что в старых договорах между человеком и котом такого пункта не было. Потом всё же перебрался на подоконник, откуда мог наблюдать за нами и при случае умереть от голода за двадцать минут до ужина.

Лидия включила маленький прибор и положила его между нами.

«Он записывает разговор», - сказала она. - «Чтобы я ничего не перепутала».

«А если разговор захочет быть забытым?»

«Тогда вы скажете, и я выключу».

Вот тут я впервые посмотрел на неё не как на посетительницу. Современные люди часто обещали одно, делали другое и называли это обстоятельствами. Она сказала просто. Вы скажете, я выключу. Не стала объяснять, почему запись полезна, почему мне нечего бояться, почему всё под контролем. Просто оставила мне право остановить. Маленькая вещь, но я привык замечать маленькие вещи. Из них варится большинство бед и несколько хороших чудес.

«Пишите», - сказал я.

Она спросила, как я оказался в музее. Официальная история, которую придумала Нина Сергеевна, звучала так: я потомок местного рода травников, консультант по исторической реконструкции, человек с необычной биографией и театральной подготовкой. Театральной подготовки у меня не было, если не считать сорока двух лет выживания среди людей, которые хотели от меня невозможного и торговались за каждую монету. Я рассказал официальную историю так плохо, что даже Репей повернулся ко мне спиной.

Лидия слушала и не перебивала. Это было хуже, чем вопросы. Под её молчанием мои слова начинали выглядеть дохлыми рыбами на солнце.

«Вы сами в это верите?» - спросила она наконец.

«В травников? Верю. В род? Приходится. В театральную подготовку? Нет».

Она выключила запись.

Нина Сергеевна, которая делала вид, что рассматривает расписание у двери, сразу напряглась.

«Я могу написать обычный материал», - сказала Лидия тихо. - «Весёлый музей, колоритный персонаж, чай из котла, детям понравится. Все будут довольны. Но вы говорите так, будто каждая фраза проходит через сито. Что останется, если сито убрать?»

Я долго смотрел на пар над чашкой. Пар поднимался тонкими белыми нитями и исчезал. В моём времени по пару гадали. В этом времени по пару судили, что чай ещё можно пить. Иногда новое знание не отменяет старое, а просто делает его менее торжественным.

«Останется старый дом, который стал чужим», - сказал я. - «Кот, который быстрее меня понял преимущества века. Женщина-директор, которая думает, что спасает музей, а на самом деле спасла мне жизнь. И человек, который не знает, кем быть, если больше не надо прятаться за полезностью».

Лидия не записывала. И хорошо. Я бы, наверное, замолчал.

«Полезностью?»

«Раньше ко мне приходили только когда что-то болело, чесалось, не спалось, не любилося или не рожалось. Я был нужен, пока у людей была беда. Без беды им было спокойнее держаться подальше. Здесь то же самое, только вежливее. Люди покупают билет, смотрят на меня, радуются, что странность стоит на своём месте, за расписанием и противопожарной инструкцией. Потом уходят пить кофе. Я опять нужен, пока развлекаю».

«А вам хочется быть нужным иначе?»

Вопрос был простой. От таких и некуда деваться.

Я мог бы пошутить. Сказать, что мне хочется быть нужным как поставщик горячего обеда и кошачьего корма. Мог бы спросить, не собирается ли она писать обо мне роман. Мог бы нахмуриться и вернуть запись к официальной истории. Вместо этого я почему-то сказал правду.

«Хочется, чтобы кто-нибудь остался после того, как надобность закончилась».

За окном прошла группа школьников. Один мальчик прижал лицо к стеклу, увидел Репея и радостно замахал. Репей отвернулся. У каждого свои границы.

Лидия включила запись не сразу. Сначала допила чай. Потом сказала:

«Это уже не материал о музее».

«А о чём?»

«О человеке, который три века назад тоже был бы современным, просто для своего времени».

Я усмехнулся.

«Меня бы в любом времени считали неудобным».

«Это не худшее, что может быть с человеком».

Она сказала это так, будто знала не понаслышке. Я заметил у неё на пальце след от кольца. самого кольца не было. В старом времени такой след мог значить вдовство, ссору, бедность, дурной знак, жару, при которой кольцо натирает кожу, или мужа, выброшенного из дома вместе с сапогами. В новом времени, как я уже понял, знаки стали ещё запутаннее. Люди могли жить вместе без брака, любить без верности, расставаться без объяснений, носить кольцо для красоты и не носить по убеждениям. Магия на таком фоне выглядела простой ремесленной работой.

Я не спросил. Хотел, но не спросил. Есть вопросы, которые похожи на нож: вроде бы инструмент, а достанешь не вовремя, и кровь на столе.

После интервью Лидия попросила показать ей сад. Садом теперь назывались три клумбы у боковой стены, где музей выращивал травы для вида. Настоящий сад умер вместе с лесом. Но я всё равно вышел. День был ясный, ветер таскал по дорожке сухие листья, в парке пахло кофе из киоска и мокрой землёй после утреннего полива. Репей пошёл за нами, потому что не доверял журналистам и, возможно, надеялся, что у них в сумке есть еда.

У клумбы Лидия присела и потрогала листья шалфея.

«Мама выращивала такой на балконе», - сказала она. - «Говорила, что шалфей помогает от всего, кроме дурного характера».

«От дурного характера помогает только расстояние».

«Вы женаты, Савелий?»

Вот оно. Личный вопрос, запрещённый правилами. Но теперь Нины Сергеевны рядом не было, и я мог сам выбрать, отвечать или превратить разговор в шиповник.

«Нет».

«Были?»

«Почти».

Она подняла голову.

«Почти это как?»

«Это когда уже купил хорошую рубаху, договорился с человеком, который умеет печь свадебный пирог, и даже перестал спорить с мыслью, что придётся делить кровать. А потом невеста решила, что жить с целителем значит каждую ночь ждать, не принесут ли к двери чужую беду. Она была права. Я тогда обиделся, а потом понял: человек имеет право не хотеть чужих бед у себя под окном».

«Вы её любили?»

«Я любил мысль, что меня выбрали».

Лидия ничего не сказала. И снова это молчание оказалось точнее сочувствия.

Я наклонился к клумбе, сорвал сухой листик с мяты и растёр между пальцами. Запах был слабый, городской. Растение жило в правильной земле, получало воду по расписанию, но в нём не было привычной злости дикого роста. Оно не боролось за место. Может, поэтому и пахло тише.

«А вы?» - спросил я. - «Замужем?»

Она посмотрела на след от кольца, будто он сам мог ответить.

«Была. Развелась два года назад».

«Он умер?»

Она рассмеялась. Не обиделась, просто рассмеялась.

«Нет. Хотя первое время я иногда представляла это как удобное объяснение. Люди лучше понимают смерть, чем развод. Смерть делает тебя несчастной, но приличной. Развод заставляет всех думать, кто виноват».

Я кивнул. Это было понятно. В моём времени разводов почти не было, зато были браки, в которых люди десятилетиями жили как два соседних государства после войны: не стреляют, но границу помнят.

«Кто был виноват?» - спросил я.

«Оба. Но по очереди. Так обиднее».

Репей в этот момент сел между нами и громко зевнул. Он не любил разговоры, в которых не упоминалась еда. Лидия наклонилась и протянула ему руку, не сверху, как делают самоуверенные люди, а сбоку, давая понюхать. Репей понюхал, подумал и позволил коснуться лба. Это было почти благословение. Я испытал странную ревность к собственному коту.

«Он вас одобрил», - сказал я.

«А вы?»

Вопрос был сказан легко, почти шуткой. Но я на мгновение растерялся. В приложении знакомств люди спрашивали друг друга о любимых фильмах, целях, росте, отношении к детям, знаке зодиака, хотя звёзды, по моему опыту, редко вмешиваются в человеческую глупость без особой просьбы. А тут женщина стояла у клумбы с шалфеем и спрашивала, одобрил ли я её. Смешно. Неприлично быстро. Приятно.

«Я пока наблюдаю», - сказал я.

«Осторожный ответ».

«Я старый человек. У нас осторожность появляется вместе с болью в пояснице».

Она улыбнулась. Потом достала телефон.

«Можно сфотографировать вас здесь? Не для насмешки. Для материала».

Я уже привык к фотографиям, но всё равно не любил их. В старом зеркале лицо было милосерднее. Оно дрожало в мутном стекле, терялось в пятнах, давало человеку право не знать точное количество морщин. Камера нового времени считала всё. Линии у глаз, пятно на щеке, усталость в уголках рта, неудачно торчащую прядь. Она была похожа на слишком честного знакомого, которого не зовут в гости.

«Можно», - сказал я. - «Только Репей должен быть в кадре. Без него я выгляжу как человек, который сам выбирал эту шляпу».

Шляпу, к слову, мне выдали музейщики. Моя настоящая исчезла вместе с метлой. Новая была чёрная, с широкими полями и чуть загнутым верхом, покупалась в магазине праздников и пахла складом. Посетители обожали её. Я терпел. В старом времени мужчина в такой шляпе выглядел бы не знахарем, а человеком, который проиграл спор пьяным музыкантам. Но Нина Сергеевна сказала, что аудитории нужен узнаваемый образ. Я спросил, не нужен ли аудитории узнаваемый удар посохом. Она сделала вид, что не слышит.

Лидия сфотографировала меня с Репеем у шалфея. Потом показала снимок. Я ожидал увидеть усталого старого чудака. Увидел усталого чудака, но не такого уж старого. Может, дело было в свете. Может, в том, что Репей в кадре смотрел на меня снисходительно, и рядом с ним любой человек выглядел моложе из чувства сопротивления.

«Неплохо», - сказал я.

«Это высокая похвала?»

«Для меня почти признание в любви».

Слова вылетели сами. В воздухе они повисли неловко, как бельё, забытое под дождём. Я тут же захотел их поймать и засунуть обратно в рот. Лидия посмотрела на меня внимательно, но без торжества. Хороший человек не радуется чужой неловкости слишком явно.

«Тогда я польщена», - сказала она.

Мы вернулись в дом. Следующая экскурсия уже ждала у входа, Нина Сергеевна махала мне рукой так, будто от этого я мог быстрее стать нормальным. Лидия убрала блокнот в сумку.

«Я пришлю текст на согласование», - сказала она.

«Согласование это когда я могу запретить вам писать глупости?»

«Это когда вы можете указать на фактические ошибки. Глупости я защищаю сама».

«Разумно».

Она протянула мне визитку. На маленьком прямоугольнике были её имя, телефон, почта и название журнала. Современные люди раздают кусочки себя с удивительной лёгкостью. В моём времени, чтобы получить адрес женщины, нужно было знать её тётку, брата, соседку или хотя бы лавку, где она покупает ленты. Здесь всё лежало на плотной бумаге.

«Если вспомните что-то важное, напишите», - сказала она.

Я посмотрел на визитку. Потом на неё.

«А если вспомню неважное?»

«Тогда тоже можно».

Она ушла. Просто ушла, а дом почему-то стал тише, хотя через минуту в него вошли пятнадцать школьников и один учитель с лицом человека, который уже пожалел о выборе профессии. Я провёл экскурсию. Рассказал про травы. Дал детям понюхать сухую мяту. Не проклял мальчика, который спросил, настоящий ли у меня нос. Нина Сергеевна осталась довольна. Репей украл у школьницы бутерброд и тоже остался доволен.

К вечеру я устал так, что даже чайник казался слишком требовательным. Последняя группа ушла, музей закрылся, Нина Сергеевна проверила кассу, выключила часть света и сказала:

«Журналистка хорошая. Только не наговори ей лишнего».

«Что считается лишним?»

«Всё, после чего мне звонят из администрации города».

Она ушла. Я запер дверь, хотя в доме с музейной сигнализацией это было больше привычкой, чем защитой. Репей запрыгнул на стол и сел рядом с визиткой Лидии. Положил на неё лапу.

«Не смей», - сказал я.

Он посмотрел на меня невинно. У котов невинность устроена просто: они ещё не сделали то, что уже решили сделать.

Я забрал визитку и сел у окна. В парке зажглись фонари. Люди шли по дорожкам парами, с собаками, по одному, с бумажными стаканами, в наушниках, в разговорах, в своих маленьких беспокойствах. Где-то смеялась женщина. Где-то ребёнок требовал мороженого с такой силой, будто от этого зависела судьба княжества. Машины шуршали за деревьями. Город жил, не спрашивая, успел ли я привыкнуть.

Телефон лежал рядом. Я знал, как написать сообщение. Нина Сергеевна научила. Надо открыть зелёный значок, нажать на карандаш, выбрать имя или набрать номер, потом коснуться строки и писать. Простое дело. Я в жизни делал вещи сложнее: ловил болотный огонёк в бутылку, вытаскивал из человека сглаз, мирил двух соседей, которые делили грушу семь лет, перевязывал рану после кабаньего клыка, врал сборщику налогов с лицом честного человека. Но написать женщине «вы хорошо пьёте чай» оказалось труднее.

Я набрал: «Вы хорошо пьёте чай».

Посмотрел. Стер.

Набрал: «Уважаемая Лидия, если вам понадобятся уточнения по травам, я готов».

Получилось так, будто я предлагаю ей купить мешок сушёной крапивы. Стер.

Набрал: «Сегодня после вашего ухода дом стал тише».

Слишком голо. Стер быстрее, чем Репей ворует рыбу.

Кот наблюдал с подоконника.

«Не смотри так. Ты вообще лижешь собственную спину при гостях».

Репей моргнул. Это был сильный ответ.

Я отложил телефон. Встал, налил воды в чайник, нажал кнопку. Красный огонёк вспыхнул у основания. Вода начала шуметь. Вот что мне нравилось в этом приборе: он не требовал от человека душевной смелости. Налил, нажал, дождался. Чайник не спрашивал, зачем тебе кипяток, не вспоминал твои прежние ошибки, не советовал быть собой. Он просто делал своё дело. Может, поэтому я так быстро к нему привязался.

Пока вода закипала, я достал старую тетрадь. Настоящую, не музейную. Нина Сергеевна купила мне её в книжном магазине, когда поняла, что телефонные заметки доводят меня до желания выбросить устройство в реку. В тетради я записывал всё, что могло пригодиться: новые слова, цены, странности, имена людей, которых нельзя пугать, устройство городского транспорта, список продуктов, которые Репей признавал пищей. На последней странице я начал раздел «Свидания».

Пока там было пусто.

Я написал: «Лидия Орлова. Журналистка. Пьёт чай без сахара. Слушает молчание. Не смеётся там, где человек не шутил. Разведена. Шалфей знает с детства. Кота гладит правильно».

Подумал и добавил: «Опасна».

Не потому, что она могла причинить вред. Такие люди опасны иначе. Они видят место, где ты кое-как прикрыл доской яму, и не наступают туда, не тычут палкой, не зовут соседей посмотреть. Просто смотрят рядом. И ты сам вдруг понимаешь, что всю жизнь ходишь вокруг этой ямы, делая вид, будто это часть двора.

Чайник щёлкнул. Я заварил чай, сел за стол и снова взял телефон. Визитка лежала передо мной. Цифры номера казались заклинанием, только без привычной уверенности, что если всё сделать правильно, результат будет понятен. В магии хотя бы знаешь: перепутал перо, улетел на три века. В человеческих разговорах можно всё написать правильно и всё равно оказаться дураком.

Я набрал номер. Пальцы вспотели. Телефон предложил сохранить контакт. Я сохранил: «Лидия чай». Потом открыл сообщение.

«Лидия, это Савелий. Вспомнил важное. Шалфей помогает не от всего. Но он хорошо пахнет, если не держать его в музейной клумбе».

Я перечитал. Не идеально. Но живо. Отправил, пока не струсил.

Сообщение ушло. Маленькая стрелка показала, что слова покинули меня и теперь где-то бегут по невидимым проводам, башням, воздуху или по тем тропам, которыми современные духи носят человеческую суету. Я сидел неподвижно, будто после броска ножа. Репей спрыгнул на пол, подошёл к миске и напомнил, что в мире есть дела важнее чужих ответов.

Я насыпал ему корм. Себе налил чаю. Сделал глоток. Чай оказался слишком крепким, почти горьким. Хороший знак. Сладкие вещи слишком легко принимаешь за добрые.

Телефон молчал пять минут. Потом десять. Потом пятнадцать. За это время я успел решить, что написал глупость, что журналистка уже смеётся над мной с подругами, что номер на визитке, возможно, был рабочий и сообщения туда читать запрещено, что надо немедленно сварить настой против стыда, что такого настоя я не знаю, что его надо придумать, что ингредиентом обязательно должен быть корень упрямства и, может быть, пепел неотправленных писем.

На шестнадцатой минуте телефон пискнул.

«Тогда завтра принесу вам нормальный шалфей. Не музейный. И, если вы не против, выпью ещё чая».

Я прочитал сообщение один раз. Потом второй. Потом третий, чтобы убедиться, что буквы не передумали. Репей запрыгнул на стол и понюхал телефон.

«Она принесёт шалфей», - сказал я.

Кот зевнул.

«И выпьет чая».

Кот лизнул лапу.

«Это, между прочим, событие».

Репей посмотрел на пустую миску, ясно давая понять, что событие должно иметь практическое выражение. Я добавил ему ещё немного корма, хотя по расписанию было рано. Иногда радость требует жертвы, и чаще всего жертвой становится дисциплина.

Я хотел ответить сразу. Потом вспомнил наставления Нины Сергеевны о современном общении. Нельзя отвечать слишком быстро, потому что это выглядит отчаянно. Нельзя слишком медленно, потому что это выглядит грубо. Нельзя писать длинно, потому что человек испугается. Нельзя писать одно слово, потому что человек обидится. Нельзя ставить точку в конце короткого сообщения, потому что точка звучит холодно. Я спросил тогда, почему современные люди просто не говорят, что имеют в виду. Нина Сергеевна сказала: «Добро пожаловать».

Я подождал две минуты. Не выдержал.

«Не против. Чайник будет готов».

Отправил. Потом добавил второе сообщение, потому что правда сама просилась наружу:

«И я тоже».

Сразу пожалел. Потом не пожалел. Потом снова пожалел. Так прошёл остаток вечера.

Ночью я долго не мог уснуть. Дом скрипел уже не так, как раньше. Новые доски скрипят осторожнее старых. Сигнализация в углу мигала зелёным огоньком. Холодильник время от времени вздыхал, как корова, которой приснился налоговый сборщик. Репей спал на моей

ноге, придавив её своим весом и своим доверием. За окном шуршал парк. Где-то далеко выла сирена. В старом времени такой звук означал бы существо, которое надо обходить за три поля. В новом - машину, которой все уступают дорогу. Не всё новое хуже.

Я думал о Лидии. Не красиво думал, не возвышенно. Просто вспоминал, как она держала чашку, как не стала записывать мою самую голую фразу, как потрогала шалфей, как сказала, что разведены бывают оба, но по очереди. Это были мелочи. Но человек и входит в жизнь через мелочи. Большие признания приходят позже, когда уже поздно делать вид, что дверь была закрыта.

Мне было сорок два года и три века сверху. Я жил в музее, работал собственной легендой, боялся отправлять сообщения и ждал женщину с шалфеем. Если бы кто-то сказал мне такое год назад, я продал бы ему порошок от бреда и посоветовал меньше пить настой из маковых головок.

Но теперь я лежал в темноте и улыбался.

Недолго. Минуты две, может быть три. Потом Репей пнул меня во сне задней лапой, попал в больное колено и вернул моему лицу привычное выражение. Это тоже было к лучшему. Счастье, если его не щёлкнуть по носу, быстро начинает считать себя хозяином.

Перед самым сном я вспомнил, что утром до прихода Лидии надо прибраться, спрятать язык ящерицы, купить приличное печенье и ни при каких обстоятельствах не рассказывать ей о приложении знакомств, где я за месяц не получил ни одного совпадения, кроме женщины по имени Светлана, которая хотела узнать, умею ли я снимать порчу с бывшего мужа на расстоянии.

Потом я вспомнил, что приличное печенье само не покупается, магазин находится через дорогу, а дорогу я всё ещё переходил с внутренней готовностью составить завещание.

Значит, утро обещало быть трудным.

Хорошо.

Лёгкие утра редко приводят к интересным историям.

Дом, который продавался вместе со мной

Наутро я проснулся от звука, которого в моём старом времени не было и быть не могло. Он был тонкий, злой и настойчивый, будто комар научился точить нож. Я подскочил на музейной кровати, ударился коленом о сундук и первым делом решил, что дом всё-таки проклят. Потом вспомнил: проклят он давно. Просто теперь у проклятий появились батарейки.

Звук шёл из телефона. Телефон лежал на столе рядом с кружкой, в которой вчера остывал чай. Я почти полчаса смотрел на него перед сном и говорил себе, что взрослый ведьмак, проживший тридцать девять лет в лесу, не имеет права бояться плоской дощечки с огоньками. Потом эта дощечка показала мне фотографию женщины, которая кормила пса печеньем в форме сердечек, и я испугался уже не дощечки, а века, в который меня занесло.

На экране мигало имя Меги. Я нажал не туда. Телефон замолчал, потом заорал снова. С третьего раза я попал пальцем в зелёный кружок.

Ты жив? - спросила Меги.

Пока да. Но твоя говорящая табличка пыталась меня извести.

Это будильник. Я поставила тебе напоминание. Сегодня совет Исторического общества. Они придут посмотреть, как ты работаешь на туре, и решат, оставлять ли дом или выставить его на продажу.

Я сел ровнее. Спина щёлкнула так, будто внутри меня кто-то закрыл старый шкаф.

Дом уже стоит на своём месте. Зачем его продавать?

Потому что банк не интересуется чувствами домов. Им нужны деньги.

Слово банк я уже слышал. Меги объясняла его вчера, пока я пытался понять электрический чайник. Банк был чем-то вроде очень богатого ростовщика, только с коврами, улыбчивыми женщинами за стойками и правом смотреть на тебя сверху вниз без всякого титула. В моём времени для такого хватало барона. В этом веке баронов, кажется, заменили учреждения.

Сколько нужно денег? - спросил я.

Меги назвала сумму. Я помолчал. Потом уточнил:

Это в долларах или в душах?

В долларах.

Жаль. Душ у меня было бы больше шансов насобирать.

Не шути про души перед советом. И, пожалуйста, не угрожай никому. Ни носам, ни картошке, ни детям.

Детям я не угрожаю.

Вчера ты сказала мальчику, что если он ещё раз дёрнет кота за хвост, у него до конца месяца будут чесаться пятки.

Это воспитание.

На другом конце Меги глубоко вдохнула. Я уже начал различать её вдохи. Один означал усталость. Второй - тревогу. Третий - что она сейчас объяснит мне правила века, которые никто в здравом уме не стал бы выдумывать.

Сегодня нужно быть дружелюбным. Улыбайся. Варишь лимонад, рассказываешь пару историй, не называешь туристов вторгшимися паразитами. Совет хочет цифры. Если им покажется, что ведьмак привлекает людей, они дадут дому шанс.

А если нет?

Тогда дом продадут. Возможно, под кафе. Или под сувенирную лавку. Или его перенесут.

Я посмотрел на стены. На полки. На маленькое окно, через которое когда-то просачивался утренний туман. Перенести дом. В старом времени такое сказали бы про курятник. Здесь это произносили про место, где умерла моя мать, где я впервые сварил зелье без взрыва, где кот однажды принёс мне дохлого воробья и ждал похвалы три дня.

Дом не лошадь, - сказал я. - Его нельзя вести куда попало.

Поэтому не ссорься с советом.

После звонка я долго сидел на кровати, держа телефон в руке. Бандит спал поперёк моей подушки, выставив перевязанную лапу так, будто это была государственная реликвия. Он открыл один глаз.

Опять она?

Совет придёт решать, жить нам здесь или нет.

Кот зевнул. Скажи им, что дом уже занят. Если не поймут, я испорчу им обувь.

Как?

Посмотрю. У каждого таланта есть путь развития.

Он снова закрыл глаза. Вот почему коты переживают века лучше людей. Они не строят планов, не считают долги, не мучаются вопросом, почему судьба вырвала их из привычного времени. Они видят подушку и занимают её. Видят рыбу и едят её. Видят человека, который мешает, и царапают.

Я пошёл умываться. В ванной меня поджидало двадцать первое столетие во всём своём великолепии. Вода появлялась из стены, тёплая вода тоже, а если нажать маленькую ручку, яма под сиденьем ревела и уносила всё прочь. Когда Меги впервые показала мне это чудо, я минут десять молчал. Потом сказал, что за один только этот трюк некоторые ведьмы продали бы половину родни. Меги сказала, что лучше не говорить такого на экскурсиях.

В зеркале стоял мужчина, который должен был быть моложе. Я привык думать о себе как о человеке почти сорока лет, хотя теперь ко мне прибавились три века. Эта мысль была неудобной, как камешек в башмаке. Если считать по телу, я ещё мог спорить с лестницей и иногда выигрывал. Если считать по календарю, я был древнее большинства зданий в городе. Меги сказала, что на документах мне придётся указать современный возраст. Я спросил, можно ли написать: случайно сохранился. Она не оценила.

Седина у висков казалась ярче, чем вчера. Возможно, потому что я смотрел внимательнее. Мне предстояло играть ведьмака перед советом, а в голове вертелось другое: приложение с женщинами, которые искали любовь, листая лица пальцем. Меги сказала, что я могу поставить в анкете: мужчина ищет женщину. Я спросил, где поставить: ведьмак ищет жену, способную не падать в обморок при виде говорящего кота. Она отобрала телефон и сказала, что начнём с простого.

Я пока никому не написал. Не потому, что стеснялся. Стыд я пережил давно, когда на базаре продавал мазь от бородавок, а покупатель решил торговаться, показывая мне саму бородавку с расстояния в два пальца. После такого переписка с незнакомой женщиной не должна была пугать. И всё же пугала.

В старом времени ухаживание было неловким, глупым и неприятно публичным. Соседи смотрели. Тётки считали. Свахи знали о тебе больше, чем совесть. Но там хотя бы было ясно, что делать: принести подарок, надеть приличный камзол, не пахнуть козой, говорить мало и по возможности не наступить даме на подол.

В новом времени человек сначала писал: Привет, как прошёл день? И тут начиналась пропась. Какой день? Весь? С какой целью? Нужно отвечать честно или красиво? Если честно, мой день прошёл так: я проснулся в музее, говорил с котом, проверил, не умерла ли лягушка в террариуме, и пытался понять, как заработать сумму, за которую в семнадцатом веке можно было купить деревню, два моста и плохого священника. Красиво звучало хуже.

На кухонном столе лежал лист, который Меги оставила мне вчера. План тура. Она любила планы. У неё были планы для совета, планы для рекламы, планы для моей адаптации, планы на случай, если Бандит снова попытается открыть холодильник. Я уважал это качество, но с подозрением. Люди с планами часто верят, что жизнь обязана постесняться и уступить дорогу.

План был короткий. Приветствие. Варка ведьминого напитка. История о доме. Ответы на вопросы. Фото только с согласия ведьмака.

Последний пункт я одобрил. Вчера одна женщина попыталась сфотографировать меня, пока я чесал бок под рубахой. Я предупредил, что её снимок будет мутным до конца дней. Она засмеялась и сказала, что фильтр сам всё исправит. В этом веке даже угрозы обесценились.

Я достал из шкафа чёрную одежду. Меги заказала её в магазине костюмов и считала это компромиссом. По моему мнению, компромисс был сомнительный. Ткань шуршала, как мышь в сене, шляпа держала форму слишком бодро, а пряжка на поясе сияла так, будто я собрался не колдовать, а продавать билеты в цирк. Но туристам нравилось. Они хотели ведьмака, похожего на их картинки. Настоящий лесной человек в старой выцветшей рубахе и с усталым лицом был бы для них недостаточно волшебным.

Я оделся, развёл огонь в камине просто из упрямства и поставил рядом электрический чайник. Пусть оба века поработают. Один давал мне тепло, другой чай без беготни к колодцу. Ссорить их было бы неблагоприятно.

Пока вода закипала, я проверил лягушку. Пенни сидела в террариуме на влажном камне и смотрела на меня так, как может смотреть только человек, превращённый в земноводное не по своей просьбе. Взгляд у неё был круглый, влажный и обвинительный.

Сегодня у нас важный день, - сказал я. - Если всё пройдёт хорошо, ты продолжишь жить в доме с отоплением, водой и сушёными сверчками.

Она квакнула.

Не спорь. В семнадцатом веке тебе пришлось бы сидеть в кувшине.

Кваканье стало резче.

Да, я понимаю, что ты предпочла бы быть человеком. Мы все чего-то предпочли бы.

Бандит спрыгнул с кровати и подошёл к террариуму. Пенни прижалась к стеклу с другой стороны.

Хороший завтрак сам пришёл в коробке.

Ещё раз скажешь такое при совете, и я расскажу ветеринару, что ты любишь, когда тебе чешут пузо.

Кот застыл. Это было один раз. Я был слаб после ранения.

Конечно.

К половине десятого Меги приехала с двумя сумками, мужем Грегом и лицом человека, который уже успел за утро проиграть спор с ребёнком, кофеваркой и дорожным движением. Грег нёс коробку с пластиковыми стаканами. Он всегда улыбался так, будто мир был трудной, но решаемой задачей.

Доброе утро, - сказал он. - Ты готов?

Нет.

Отлично, честный ответ. Обычно люди говорят да и потом падают.

Меги поставила сумки на стол и начала раскладывать вещи. Лимоны, сахар, бутылки с водой, салфетки, маленькие карточки с логотипом Исторического общества. На карточке был нарисован мой дом. Рядом - шляпа. Я спросил, почему не кот.

Потому что кот не является официальной частью экспозиции.

Бандит поднял голову. Оскорбление.

Он требует должность.

У него уже есть должность, - сказала Меги. - Он создаёт атмосферу и портит мебель.

Грег присел перед Бандитом и протянул руку. Кот сделал вид, что не замечает, потом всё-таки позволил почесать себя за ухом. Предательство у котов часто выглядит как милость.

Совет будет через час, - сказала Меги. - Сначала обычная группа, потом трое членов совета останутся на обсуждение.

Кто они?

Председатель миссис Алдер, архитектор мистер Кроуфорд и Линда, отвечает за финансы. Финансы это деньги?

Да.

Значит, главная Линда.

Грег тихо рассмеялся. Он быстро учится.

Меги не рассмеялась. Она проверяла мой стол, котёл, полки и выражение моего лица.

Постарайся не выглядеть так, будто выбираешь, кого первым закопать.

А как нужно?

Она улыбнулась. Широко, мягко, с зубами. Я повторил. Грег перестал раскладывать стаканы.

Может, лучше без улыбки.

Первая группа вошла ровно в одиннадцать. Туристы просочились в дом разноцветной стаей. Куртки, рюкзаки, телефоны, детские голоса, запах кофе, духов и улицы. В старом времени чужие запахи входили в дом медленно, вместе с дымом, мокрой шерстью и грязью на сапогах. Здесь они врывались сразу. Новые ткани пахли дождём, пластиком и чем-то сладким.

Экскурсоводом была девушка по имени Пэйтон. Она говорила быстро, улыбалась быстрее и умела одним движением руки разворачивать толпу туда, куда нужно. В моё время из неё вышла бы опасная торговка. Или королева.

Добро пожаловать в Ковенстед, - сказала она. - Сегодня вам повезло. Наш резидентный ведьмак приготовит напиток по старинному рецепту.

Я поднял ковш. Кто будет шуметь, получит напиток по новому рецепту.

Дети засмеялись. Взрослые тоже. Мне всё ещё было странно, что угрозы теперь считались развлечением, если произносить их рядом с сувенирной кружкой.

Я начал варить лимонад. Да, именно варить. Меги сколько угодно могла говорить, что лимонад не варят, а смешивают, но туристы пришли смотреть на котёл. Котёл требует пара, ложки и серьёзного лица. Я выжал лимоны, добавил воду, бросил туда пару листьев мяты и щепоть сушёной бузины для запаха. Никакого вреда. Почти.

Это настоящий рецепт? - спросил мальчик лет восьми.

Настоящий.

Ведьминский?

Ведьминский настолько, насколько может быть напиток, одобренный санитарными правилами.

Меги у двери показала мне большой палец. Я решил, что это хороший знак, хотя в первый день подумал, что она предлагает отрезать палец для зелья.

А вы правда из прошлого? - спросила женщина в жёлтом плаще.

Пэйтон напряглась. Меги тоже. Вот они, ответы на вопросы. В плане было написано: оставлять пространство для легенды. Я не знал, как оставлять пространство. В моём опыте пространство само появлялось, когда люди убегали.

Каждый человек немного из прошлого, - сказал я. - Кто-то тащит оттуда бабушкину брошь, кто-то рецепт пирога, кто-то старую обиду. Мне достался дом.

В комнате стало тише. Я сам удивился. Слова вышли без шипения, без шутки и без желания ударить кого-нибудь ковшом. Наверное, электрический чайник размягчал нрав.

А кот? - спросил мальчик.

Кот считает, что прошлое принадлежит ему, настоящее обслуживает его, а будущее должно принести тунца.

Бандит, который лежал на подоконнике, не открыл глаз, но хвостом стукнул один раз. Туристы заулыбались.

Напиток им понравился. Одна девочка попросила второй стакан. Её мать сказала, что достаточно. Девочка посмотрела на меня.

Можно я проклянущу маму?

Только после совершеннолетия и с оплатой вперёд.

Мать рассмеялась, девочка задумалась. Меги у двери закрыла лицо ладонью, но плечи у неё дрожали. Кажется, это тоже было хорошим знаком.

Когда обычные туристы ушли, в доме остались трое из совета. Я понял это ещё до представления. Они не смотрели как туристы. Туристы ищут, где красиво, странно или можно сфотографироваться. Совет смотрел, где течёт крыша, сколько стоит пол, и можно ли на мне заработать без скандала.

Председатель миссис Алдер была маленькая, сухая и прямая, как щепка. Её седые волосы лежали шлемом, глаза бегали по углам. Мистер Кроуфорд, архитектор, носил очки с тонкой оправой и трогал стены так нежно, будто дом был больным родственником. Линда оказалась женщиной с короткой стрижкой и папкой, которую она прижимала к себе сильнее, чем некоторые держат младенцев.

Меги представила нас. Это наш консультант по живой истории.

Ведьмак, - поправил я.

Да. Ведьмак.

Миссис Алдер поджала губы. Мы не можем в официальных материалах утверждать существование ведьм.

Тогда утверждайте продажу билетов, - сказал я.

Грег кашлянул в кулак. Меги наступила мне на ногу. Лёгко, но с обещанием будущих объяснений.

Линда открыла папку. Последние две недели посещаемость выросла. Но всплеск интереса после публикаций в социальных сетях может быть кратким. Нам нужны стабильные показатели.

Я не всё понял, но слово стабильные мне не понравилось. Оно часто означает, что живому существу предлагают вести себя как табурет.

Люди придут, - сказал я.

Почему? - спросила Линда.

Хороший вопрос. В старом времени люди приходили ко мне, потому что у них были бородавки, неверные мужья, кашель, соседи, коровы без молока и страх умереть раньше времени. Здесь у людей были аптеки, юристы, психологи, приложения, камеры, страховки, инструкции и огромные магазины. Но они всё равно приходили в маленький дом, где мужчина в смешной шляпе мешал лимонад в котле.

Потому что у них слишком много объяснений, - сказал я. - А здесь можно на полчаса поверить, что мир устроен проще. Вот котёл. Вот шляпа. Вот кот, который презирает всех одинаково. Люди за это платят охотнее, чем признаются.

Мистер Кроуфорд улыбнулся. Миссис Алдер не изменилась лицом. Линда что-то записала.

Нам ещё нужно понимать, где вы будете жить, - сказала председатель. - Дом не оборудован как жилое помещение по современным нормам.

Я огляделся. Кровать есть. Стол есть. Чайник есть. Кот есть. Какие ещё нормы?

Я уже живу.

Юридически нет.

В этом веке многие неприятности начинались словом юридически.

Меги вмешалась. Мы можем оформить программу постоянного зрителя. Это сохранит дом, снизит расходы на охрану и усилит туры.

Зритель должен иметь документы, - сказала Линда.

Я выпрямился. У меня есть письмо от мадам Мод, три рецепта от прыщей и расписка мясника за бараний окорок.

Не те документы.

Ваш век привередлив.

Пока они спорили, Бандит спрыгнул с подоконника и подошёл к папке Линды. Он обнюхал её угол, сел сверху и начал вылизывать перевязанную лапу. Линда замерла.

Он всегда так делает?

Нет, - сказал я. - Только когда чувствует главного человека в комнате.

Линда посмотрела на кота. Потом на меня. Потом снова на кота. У меня аллергия.

Бандит поднял голову. Слабая порода.

Он приносит извинения, - перевёл я.

Он мяукнул так, будто оскорбил меня.

У него трудный характер после аварии.

Меги тихо сказала: Бандит, слезь.

Кот не двинулся. В обычный день я бы сделал вид, что так и надо. Но сейчас на кону стоял дом. Я подошёл, взял Бандита под живот и снял с папки. Он позволил это только потому, что вокруг было много свидетелей и ему нравилось выглядеть величественно. На моих руках он прошипел: предательство будет записано.

Записывай на счёт дома.

Линда осторожно стряхнула с папки белую шерсть. В её лице что-то смягчилось. Совсем немного.

Кот может стать частью бренда.

Он уже требует должность, - сказала Меги.

У нас нет бюджета на кота.

У кота есть поклонники, - сказал Грег. - Люди выкладывают фото с ним чаще, чем с котлом.

Я не знал, хорошо это или унижительно. Бандит выглядел так, будто наконец услышал здоровый голос.

Совет осмотрел крышу, печь, полки и ванную. В ванной миссис Алдер долго смотрела на террариум.

Почему здесь лягушка?

Экспозиция, - быстро сказала Меги.

Пенни квакнула.

Она интерактивная? - спросил мистер Кроуфорд.

Только если у вас есть сверчки, - ответил я.

Миссис Алдер отступила на шаг. Мы не можем держать в историческом объекте случайную лягушку.

Она не случайная.

А какая?

Честная версия была неудачной: жадная швея, превращённая в лягушку за попытку купить любовное зелье со скидкой. Даже в моём времени это звучало бы спорно.

Символическая, - сказал я.

Меги закрыла глаза.

Символ чего?

Последствий торговли без уважения к мастеру.

Грег отвернулся к полотенцу. Линда записала и это. Я начинал бояться её папки. Слишком много в неё попадало.

После осмотра совет удалился на крыльцо. Да, всего на крыльцо, но вид у них был такой, будто они уходили в тайную комнату решать судьбу королевства. Меги осталась внутри со мной.

Ты держался лучше, чем я боялась, - сказала она.

Это похвала?

Это чудо.

Я налил себе чаю. Руки дрожали совсем немного. Когда приходится защищать дом от людей с факелами, всё проще. Факел можно затушить. Человека можно припугнуть. Но как защищаться от папки, бюджета и норм? В них не кинешь зельем. Вернее, кинуть можно, но Меги просила не начинать век с уголовного дела.

Через окно я видел, как Линда показывает что-то на листе, миссис Алдер качает головой, а мистер Кроуфорд смотрит на крышу. Грег стоял рядом со мной и тоже смотрел.

Они не злые, - сказал он.

Злые редко считают себя злыми. Обычно они считают расходы.

Это правда. Но дом им тоже не безразличен.

Тогда почему они думают его продать?

Грег подбирал слова. Потому что иногда люди устают спасать то, что всё время просит денег.

Я хотел ответить резко, но не нашёл чем. Дом действительно просил денег. Крыша, пол, страховка, электричество, реклама, налоги. В старом времени дом просил меньше: починить ставню, вымести золу, прогнать мышь, заменить доску. Всё можно было сделать руками, если руки ещё слушались. Здесь даже жизнь стала услугой с ежемесячной платой.

А если они откажут? - спросил я.

Меги будет искать другие варианты.

Она не обязана.

Нет. Но она уже решила.

Я посмотрел на Меги. Она стояла у стола и поправляла карточки так, будто от ровного края зависел исход заседания. Вчера она не знала меня. Позавчера считала забавной помехой в музее. Сегодня спорила за мою крышу, мой котёл и моё право не спать под мостом.

В старом времени помощь часто была сделкой. Ты мне зелье, я тебе яйцо. Ты мне совет, я тебе новость. Меги помогала иначе. Не без выгоды для общества, конечно. Она была не святая с кружевным воротником. Но в её заботе было что-то упрямое, почти семейное. Меня это раздражало. И трогало. Одновременно. Неприятная смесь.

Совет вернулся. Миссис Алдер говорила, как человек, который заранее расставил в голове все запятые.

Мы согласны отложить продажу на три месяца.

Меги резко выдохнула.

При условиях, - продолжила председатель. - Первое: туры продолжаются четыре дня в неделю. Второе: посещаемость и выручка фиксируются. Третье: проживание оформляется как временное присутствие зрителя, пока мы разбираемся с юридическими вопросами. Четвёртое: никаких опасных веществ в доступе для посетителей.

Она посмотрела на мои полки. Я тоже посмотрел. Опасных веществ там почти не осталось. Историческое общество за три века вымело всё полезное, а то, что стояло в бутылках, давно превратилось в цветную грязь.

И пятое, - сказала Линда, - кот может присутствовать только при наличии предупреждения об аллергии.

Бандит, сидевший под столом, фыркнул. Предупреждение о людях тоже пусть повесят.

Он согласен, - сказал я.

Меги улыбнулась. Очень быстро, чтобы совет не заметил.

Три месяца. В моём старом времени за три месяца можно было вырастить рассаду, испортить репутацию, влюбиться, поссориться, собрать травы на зиму и похоронить человека. Здесь за три месяца нужно было доказать дому право быть домом.

Благодарю, - сказал я.

Миссис Алдер кивнула. И ещё. Нам понадобится более ясная история для посетителей. Не просто шутки и лимонад. Дом должен говорить о прошлом.

Я почти сказал, что дом говорил всё время, просто они слушали кассу. Но Меги смотрела на меня так, как смотрят на котёл перед закипанием: осторожно и с надеждой.

Я расскажу, - сказал я.

О чём?

Я провёл рукой по краю стола. На дереве осталась тёмная полоска от старого ожога. Я помнил тот день. Мне было двадцать два. Я пытался сварить настойку от бессонницы и уснул прямо над котлом. Проснулся от дыма, ругани матери и того, что Роза смеялась так громко, что не могла стоять. Этот след пережил её, мать, меня прежнего, лес и три столетия чужих рук.

О том, как люди жили, когда не знали, что их век тоже когда-нибудь станет странным.

Архитектор мистер Кроуфорд посмотрел на стол внимательнее. Вот это хорошая фраза.

Она не для карточки.

Жаль.

Совет ушёл ближе к часу. Меги проводила их до машины и вернулась с таким видом, будто хотела либо плакать, либо ругаться, либо лечь на пол. Она выбрала стул.

Три месяца, - сказала она.

Это мало?

Это шанс.

Грег поставил перед ней чай. Шанс лучше, чем отказ.

Шанс иногда хуже отказа, - сказала Меги. - Отказ хотя бы даёт право злиться. Шанс заставляет работать.

Мне понравилась эта мысль. Не потому, что она была красивой. Потому что точной.

После обеда Меги показывала мне, как записывать расходы. Она открыла на телефоне таблицу. Таблица была похожа на бухгалтерскую книгу, только бесконечную и без запаха пыли. Я скушал уже на третьей строке.

Доходы сюда. Расходы сюда. Количество посетителей сюда.

В старом времени я просто складывал монеты в горшок.

И как ты понимал, прибыльный ли месяц?

Если горшок тяжелее, значит, прибыльный.

Мы будем чуть точнее.

Она дала мне блокнот на случай, если телефон снова покажется коварным. Бумаге я доверял больше. Бумага не звонила, не мигала, не просила обновлений и не показывала чужие танцы без предупреждения.

К вечеру все разъехались. Дом выдохнул. Я тоже.

Снаружи парк шумел иначе, чем лес. Лес шумит, даже когда молчит. В нём есть скрип коры, дальняя птица, ветер в верхушках, осторожный хруст мелких лап. Парк шумел людьми: колёса, шаги, собаки, смех, музыка из маленьких коробок. И всё же, когда солнце опустилось, в этом шуме нашлось место для тишины.

Я вынес на крыльцо кружку чая. Бандит устроился рядом, вытянув больную лапу. Пенни осталась в террариуме. Я проверил крышку дважды.

Телефон лежал у меня на коленях. На экране было приложение знакомств. Меги сказала: попробуй просто написать кому-нибудь одно нормальное сообщение. Легко сказать. Нормальное сообщение требовало понимания нормы, а я всё ещё путал уведомление с угрозой.

Передо мной была анкета женщины по имени Сара. Сорок один год. Учительница. Любит старые дома, чёрный чай и прогулки у реки. Не любит ложь и громкие рестораны. На фотографии она стояла возле книжных полок и улыбалась без демонстрации зубов, спокойно. У неё были усталые глаза человека, который много раз объяснял одно и то же тем, кто не слушал. Это внушало доверие.

Я открыл поле сообщения. Пальцы зависли.

В старом времени я мог бы принести ей пучок розмарина или починить калитку. Здесь нужно было написать. Слова без тела, без запаха, без паузы, без возможности увидеть, отвернулась ли женщина или просто задумалась.

Я набрал: Здравствуйте, Сара. Я тоже люблю старые дома.

Стер.

Слишком сухо.

Набрал: Ваши глаза похожи на чай перед дождём.

Стер быстрее. Даже кот посмотрел с презрением, хотя не видел текста.

Что писать? - спросил я у него.

Напиши, что у тебя есть дом, кот и доступ к тунцу.

Не всем женщинам важен тунец.

Тогда зачем они нужны?

Я вздохнул и написал: Здравствуйте. Я живу в старом доме у реки и пока учусь не ссориться с новым веком. Увидел, что вы любите старые дома и чай. Если захотите, расскажите, какой чай вы пьёте, когда день вышел неудачным.

Я перечитал. Неровно. Длинно. Слишком честно. Но живой человек мог бы так сказать. Я нажал отправить, пока трусость не успела дать совет.

Сообщение исчезло в недрах устройства. Ничего не произошло. Ни грома, ни дыма, ни ответа. В старом времени после важного действия мир часто тоже делал вид, что ему всё равно. Семя лежит в земле. Зелье остывает. Письмо едет. Человек ждёт и изображает достоинство.

Я убрал телефон в карман.

Через минуту он пискнул. Я чуть не пролил чай.

На экране было: Здравствуйте. В неудачный день пью крепкий чёрный с молоком. А что значит учусь не ссориться с новым веком?

Бандит поднял голову. Попалась?

Ответила.

Кот зевнул. Тогда упомяни тунца.

Я не упомянул. Пока.

Я сидел на крыльце, пил чай и смотрел на дом, отражённый в тёмном стекле окна. Три месяца. Одна женщина в телефоне. Один кот с раздутым самомнением. Одна лягушка, которая была человеком и, вероятно, мечтала о мести. Один дом, который пока не продали.

Для начала этого было достаточно.

Потом телефон снова пискнул, в ванной квакнула Пенни, а Бандит попытался украсть мой носок. Двадцать первый век, кажется, собирался жить шумно. Я решил не отставать.

Первое свидание без зелья

Ответ Сары я прочитал семь раз.

Не потому, что он был длинный. Он состоял из двух предложений и одного вопроса. Но в этих двух предложениях было больше опасности, чем в корзине с сушёными скорпионами. Чёрный чай с молоком. Новый век. И вопрос, на который нельзя было ответить правдой полностью, потому что полная правда заставляет людей либо смеяться, либо вызывать полицию.

Я сидел за столом, телефон лежал передо мной, Бандит спал на подоконнике и притворялся раненым сильнее, чем был на самом деле. Пенни квакала из ванной. Дом тихо потрескивал, будто тоже ждал, что я напишу.

Я набрал: «Новый век слишком шумный».

Стер.

Набрал: «Я родился не в том столетии».

Стер ещё быстрее. Такое пишут мужчины, которые носят шляпы в помещении и жалуются, что женщины больше не падают в обморок от комплиментов. Я носил шляпу в помещении, но не хотел сразу раскрывать все недостатки.

Набрал: «Я долго жил один и теперь учусь быть среди людей».

Вот это было почти правдой. Не вся, но без яда.

Я отправил.

Через минуту пришёл ответ: «Это честно. Я тоже иногда устаю от людей, хотя работаю с детьми. Старый дом у реки звучит как хорошее место для тишины».

Я посмотрел на экран и почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Не зелье. Не приворот. Не тот липкий жар, который я видел на лицах людей, выпивших любовный настой. Другое. Осторожное. Как первый пар над котлом, когда ещё непонятно, получится лекарство или гадость для слива.

Бандит открыл глаз.

Она пишет снова?

- Да.

Попроси её принести рыбу.

- Это не рынок.

Тем более. На рынке рыбу приходится покупать.

Я не стал советоваться с котом дальше. Кот, который считал воровство одной из форм дипломатии, не был лучшим наставником в вопросах ухаживания.

Сара спросила, можно ли увидеть дом. Я почти написал, что дом видят туристы по расписанию, а ночью он становится снова моим. Потом понял, что это звучит как угроза. Пришлось объяснить проще: дом открыт для экскурсий, и я иногда участвую в них как смотритель.

«Значит, вы правда живёте в музее?» - написала она.

Я посмотрел вокруг. Стол, котёл, полки, кровать, шляпа, террариум, старый ожог на дереве, чайник, который кипятил воду быстрее любого ученика ведьмы. Музей. Слово было чужое, но не совсем ложное. Люди приходили сюда смотреть на мою жизнь как на предмет. Однако ночью этот предмет пил чай, ругался с котом и боялся потерять крышу.

«Да», - написал я. - «Но музей иногда ведёт себя как дом».

Ответ пришёл не сразу. Я успел встать, налить чай, пролить часть на стол, вытереть рукавом, вспомнить, что Меги велела пользоваться тряпками, найти тряпку, забыть, зачем вставал, и снова сесть.

«Тогда, может, выпьем чай не в музее? В субботу после обеда. Есть маленькое кафе у моста. Там тихо».

Я уставился на слова.

Свидание.

Не встреча через сваху. Не торг между семьями. Не случайный разговор у колодца, который потом обсуждают три улицы. Настоящее современное свидание, назначенное через стеклянную дощечку женщиной, которая любит чай и старые дома.

Мне стало жарко. Потом холодно. Потом я понял, что не знаю, где мост.

В старом городе был один мост, деревянный, скрипучий и вечный в своей ненадёжности. В новом городе мостов могло быть сколько угодно. Люди этого века строили огромные стеклянные башни, подземные дороги, трубы с горячей водой и приборы, которые сообщали человеку, сколько шагов он сделал. Мост для них наверняка был не один.

Я позвонил Меги.

- Что случилось? - спросила она без приветствия. Она уже привыкла, что мои звонки редко бывают спокойными.

- Меня пригласили пить чай.

Пауза.

- Это хорошо.

- Где мост?

- Какой мост?

- Вот именно.

Через десять минут Меги знала всё. Не потому, что я хотел рассказывать, а потому, что она умела спрашивать так, будто строила лестницу: один вопрос, потом следующий, и ты уже наверху, хотя не собирался подниматься.

- Кафе у моста, тихое, суббота после обеда, - сказала она. - Скорее всего, это «Берег». Оно рядом с пешеходным мостом через парк. Хорошее место. Не слишком дорогое. Не надевай костюм ведьмака.

- А что надеть?

- Нормальную одежду.

- У меня есть десять одинаковых платьев ведьмака.

- Это не платье, и это проблема. Я привезу тебе джинсы и рубашку.

- Джинсы это те синие штаны, которые выглядят так, будто человек полез в дымоход и передумал?

- Да. И ты их наденешь.

- Мужчина в моём возрасте не должен впервые надевать синие штаны перед женщиной.

- Мужчина в твоём возрасте должен не приходить на свидание в шляпе с пряжкой.

Я хотел возразить, что шляпа с пряжкой хотя бы честна. Синие штаны притворяются, что бедность стала модой. Но Меги уже начала говорить о правилах.

Правила современного свидания оказались хуже, чем правила работы с ядовитым грибом. С грибом понятно: не лижи, не нюхай слишком близко, режь чистым ножом, не смешивай с молоком, если не хочешь увидеть предков. Со свиданием всё было зыбко.

Не говорить о браке сразу. Не говорить о душах. Не спрашивать, сколько у женщины осталось плодородных лет. Я и сам не собирался, но Меги сказала это с таким выражением, будто знала человечество лучше меня.

Не приносить подарок слишком дорогой. Не приносить живое животное. Не приносить мёртвое животное. Не приносить зелье.

- Даже если это безобидное? - спросил я.

- Особенно если ты считаешь его безобидным.

- Можно принести травы для чая?

Меги подумала.

- Можно. Если они куплены в магазине.

- У меня свежие.

- Тогда нет.

- Почему?

- Потому что на первом свидании женщина не должна гадать, умрёт она от твоего травяного сбора или нет.

Я записал: «Травы нельзя».

Потом она велела мне показать переписку. Я отказался. Она сказала, что тогда я могу случайно написать что-нибудь вроде «ваша душа подходит для мягкого омоложения кожи». Я показал.

Меги читала с лицом лекаря над раной.

- Неплохо.

- Неплохо значит плохо, но можно спасти?

- Неплохо значит неплохо. Ты звучишь странно, но не опасно.

- В этом веке это комплимент?

- Для тебя да.

В субботу утром я проснулся раньше будильника. Это было плохим знаком. Человек просыпается раньше будильника, когда его ждёт казнь, дальняя дорога или разговор, после которого жизнь может стать лучше. Все три состояния вредят желудку.

Я поставил чайник, потом забыл нажать кнопку. Десять минут ждал холодную воду и смотрел на него с обвинением. Чайник смотрел в ответ молча, но уверенно. В новом веке вещи редко признавали вину.

Бандит лежал на столе рядом с телефоном.

Возьми меня.

- На свидание не берут кота.

Берут, если хотят произвести хорошее впечатление.

- Ты вчера укусил туриста за шнурок.

Он сам болтался.

- Шнурок?

Турист.

Я оставил кота дома под присмотром Пенни. Это звучит нелепо, потому что лягушка не может присматривать за котом, но Пенни хотя бы могла громко квакнуть, если Бандит решит открыть холодильник. Он уже научился тянуть лапой нижнюю полку, и в его глазах появилось то опасное выражение, с которым ведьмы когда-то открывали новые яды.

Меги приехала в десять с одеждой. Джинсы, тёмная рубашка, куртка, ботинки. Я смотрел на всё это как на набор для чужого обряда.

- Где шнурки? - спросил я.

- На ботинках.

- Я их вижу. Зачем их столько?

- Чтобы ботинки держались.

- В моём времени обувь держалась без этой паутины.

- В твоём времени люди умирали от занозы.

Спорить было трудно.

Джинсы оказались не такими ужасными, как выглядели. Они были плотные, жёсткие и слишком уверенные в себе, но ходить в них можно. Рубашка не душила. Куртка имела карманы. Настоящие карманы, не декоративные издевательства, как у некоторых современных женских платьев, о которых Меги рассказывала с яростью. Я начал понимать, что в каждом веке есть своя несправедливость, просто меняются места.

Меги посмотрела на меня и кивнула.

- Хорошо.

- Я похож на современного человека?

- Почти.
- Что выдаёт?
- Ты стоишь так, будто ждёшь нападения с фланга.
- Это полезная привычка.
- В кафе нет флангов.
- Тогда оно плохо спроектировано.

Она заставила меня потренироваться заказывать чай. Это было унинительно, но необходимо. В современном кафе чай не просто чай. У него есть размеры, добавки, сорта, температура, молоко растительное, молоко обычное, молоко, которое, возможно, никогда не видело корову. Я сказал, что хочу горячую воду и листья. Меги сказала, что так можно, но лучше произнести «чёрный чай».

- А если они спросят, какой?
- Выбери английский завтрак.
- Но сейчас будет день.
- Это название.
- Обман начинается уже в меню.

Грег довёз меня до пешеходного моста. По дороге он говорил о погоде, ремонте дороги и бейсболе. Я понимал только погоду, но был благодарен. Мужчины иногда помогают друг другу тем, что говорят о пустяках, пока один из них старается не показать страх.

- Всё будет нормально, - сказал Грег, когда машина остановилась.
- Нормально это хорошо?
- Для первого свидания нормально - очень хорошо.

Я вышел. Машина уехала. Я остался у моста один.

Город был яркий и быстрый. Люди шли мимо, не замечая, что рядом стоит человек, который родился там, где их улицы ещё были лесом. Мне это понравилось. В старом городе на меня смотрели даже тогда, когда делали вид, что не смотрят. Здесь каждый был занят своим маленьким стеклянным миром.

Кафе «Берег» оказалось низким зданием с большими окнами. Внутри пахло кофе, хлебом и корицей. Я вошёл на пятнадцать минут раньше, потому что опоздание на встречу с женщиной в любом веке остаётся дурным знаком.

За стойкой девушка спросила:

- Вам столик?

Я почти ответил, что столик мне не принадлежит, но вовремя остановился.

- Да. Для двух.
- У окна?
- У окна можно видеть подходы.

Она моргнула.

- Значит, у окна.

Я сел. Положил телефон на стол. Потом убрал в карман. Потом снова достал, чтобы проверить время. Потом понял, что выгляжу как человек, который ждёт не женщину, а приговор, и спрятал телефон окончательно.

Сара пришла ровно в два.

Я узнал её сразу. Фотография не соврала, но и не сказала всей правды. На фотографии у неё были усталые глаза. В жизни они были живее. Тёмные волосы собраны небрежно, пальто серое, шарф зелёный. Она вошла, огляделась, увидела меня и улыбнулась. Без восторга, без кокетства, без той натянутой любезности, которую люди надевают, когда уже решили уйти. Просто улыбнулась.

Я встал слишком резко и ударил коленом о ножку стола.

Чайная ложка подпрыгнула.

- Здравствуйте, - сказала она.

- Здравствуйте. Я не всегда бью мебель при встрече.

Она рассмеялась.

- Жаль. Это было бы запоминающейся особенностью.

Мы сели. Подошла официантка. Сара заказала чёрный чай с молоком. Я заказал английский завтрак и почувствовал себя человеком, участвующим в мошенничестве.

- Вы правда живёте в старом доме у реки? - спросила Сара.

- Да.

- И работаете смотрителем?

- Теперь да. До этого я занимался травами.

- Фитотерапия?

Слово было красивое и удобное, как новая вывеска на старой лавке.

- Можно сказать так.

- Я люблю травяные чаи, но осторожно. Один раз купила смесь для сна на ярмарке и проспала почти четырнадцать часов.

- Хороший мастер делал.

Она подняла бровь.

- Вы так думаете?

- Плохой мастер заставил бы вас увидеть говорящую козу.

Сара рассмеялась снова. Я запомнил этот звук. Не потому, что он был волшебный. Волшебный смех существует только в плохих песнях. Её смех был обычный, тёплый, чуть хриплый, и от этого лучше.

Принесли чай. Я смотрел, как Сара наливает молоко. Она делала это спокойно, без священного трепета, будто мир не держался на порядке воды, листьев и молока. Я решил не спорить. Первое свидание не место для чайных войн.

- Меги сказала, что вы помогаете в Историческом обществе, - сказала Сара.

Я осторожно поставил чашку.

- Вы знаете Меги?

- Не близко. Она приходила к нам в школу с лекцией про местную историю. Дети больше всего запомнили, что раньше люди стирали бельё в реке и могли умереть от зуба.

- Дети умнее взрослых. Они запоминают главное.

Сара улыбнулась.

- А вы правда так любите старину или это работа?

Я мог бы сказать: люблю. Мог бы сказать: работа. Мог бы начать легенду о человеке, который изучает быт прошлого. Но почему-то мне не хотелось врать больше, чем необходимо.

- Я не уверен, что люблю старину, - сказал я. - Когда живёшь рядом с ней каждый день, она перестаёт быть красивой. В старом доме холодно, сквозняки, пол скрипит, в углах заводится всё, что решило не платить аренду. Но в нём видно, что люди до тебя жили руками. Чинили, резали, жгли, пачкали, снова чинили. Мне это ближе, чем гладкие стены, где никто не оставил следа.

Сара не ответила сразу. Она мешала чай.

- Вы говорите так, будто скучаете по месту, которое всё ещё у вас есть.

Я почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не больно. Но точно.

- Может быть, скучаю не по месту.

- А по чему?

Хороший вопрос опасен тем, что не оставляет места для красивой чепухи.

Я посмотрел в окно. По мосту шли люди. Мужчина катил коляску. Девочка в красной шапке прыгала через трещины на плитке. Велосипедист ругался в телефон. Река несла мутную воду, как несла её триста лет назад, только берега изменились.

- По времени, где я знал, как жить, даже если жил плохо.

Сара кивнула медленно.

- Это я понимаю.

Я повернулся к ней.

- Правда?

- После развода я полгода скучала не по бывшему мужу, а по тому, что знала, где лежат полотенца. Понимаете? Глупо звучит. Но когда жизнь меняется, исчезают даже мелочи, на которые раньше не смотришь.

Я понимал слишком хорошо. Мой колодец исчез. Моя тропа через лес исчезла. Могила Розы исчезла под белым павильоном. Даже моя метла исчезла, и вместо неё в доме стояла китайская подделка, которая не могла поднять в воздух даже мышь с честолюбием.

- Это не глупо, - сказал я.

Она посмотрела на меня внимательно.

- Вы всегда так серьёзно отвечаете?

- Нет. Иногда угрожаю людям чесоткой.

- По работе?

- По необходимости.

Свидание пошло легче после этого. Сара рассказывала о школе. О мальчике, который принёс в класс улитку и сказал, что это его эмоциональная поддержка. О девочке, которая писала сочинение про средневековые и уверяла, что все ведьмы жили в замках. О родителях, которые требуют индивидуального подхода к ребёнку, но не хотят, чтобы ребёнок индивидуально делал домашнее задание.

Я рассказывал о доме. Осторожно. Без дат, которые выдали бы меня окончательно. О старом столе, пережившем пожар. О коте, который считает туристов временной мебелью. О лягушке, которая стала частью экспозиции против своей воли. Сара смеялась, но не так, как туристы. Туристы смеялись над образом. Сара слушала человека.

Это было непривычно.

Я поймал себя на том, что не думаю о зелье. Не прикидываю, какой настой помог бы усилить впечатление, чем можно сгладить морщины, как добиться расположения. Просто сижу, пью чай и говорю. Неловко. Иногда слишком прямо. Но без котла между мной и чужой волей.

И тут всё испортил телефон.

Он зазвонил в кармане так громко, будто внутри сидела ведьма в железной банке. Я вздрогнул, достал его, нажал не туда и включил громкую связь.

- Ты где? - раздался голос Меги. - Бандит открыл холодильник, Пенни выбралась из террариума, а в доме через двадцать минут тур!

Сара моргнула.

Я замер.

Из телефона донёсся вопль Меги:

- Не ешь лягушку! Бандит, клянусь, я сдам тебя ветеринару!

Я отключил звонок. Возможно. Экран погас, но я уже не доверял технике.

Сара медленно поставила чашку.

- У вас кот ест лягушку?

- Теоретически.

- А практически?

- Практически я очень надеюсь, что нет.

Она смотрела на меня. И вот тут было то место, где женщина нормального века должна была извиниться, вспомнить срочные дела и уйти. Я бы понял. Я сам иногда хотел уйти от своей жизни, но не знал, в какую сторону.

Сара вместо этого спросила:

- Вам нужно ехать?

- Да.

- Тогда поехали.

- Мы?

- Я люблю старые дома. И хочу увидеть кота, который открывает холодильник.

- Это может быть опасно.

- Я работаю с третьим классом. Меня трудно испугать.

Мы вышли из кафе. Я пытался заплатить, но Сара уже приложила к маленькому устройству свою карту. Я возмутился. Она сказала, что я заплачу в следующий раз. Слова «следующий раз» ударили сильнее, чем счёт.

Следующий раз.

Не обещание брака. Не признание. Даже не твёрдая договорённость. Но дорожка, узкая, как тропа между крапивой и болотом.

До дома мы шли быстро. Сара знала короткую дорогу через парк. Я по дороге объяснял, что Бандит не злой, просто считает мир недостаточно организованным вокруг его желаний. Сара сказала, что у её бывшего мужа была похожая философия, только без усов.

У дома уже стояла Пэйтон с группой туристов. Меги была внутри. Из открытого окна доносилось шипение Бандита, кваканье Пенни и фраза Грегга: «Я не уверен, что салатник подходит для временного содержания земноводного».

Сара остановилась.

- У вас насыщенная жизнь для человека, который устал от людей.

- Я тоже заметил.

Мы вошли.

Картина была достойна отдельной платы за билет. Бандит сидел на верхней полке, прижав лапой пакет с тунцом. Пенни находилась в салатнике на столе. Меги стояла с полотенцем. Грегг держал крышку от кастрюли как щит. Туристы заглядывали через дверь с восторгом людей, которым обещали экскурсию, а дали театр.

- Это Сара, - сказал я.

Меги посмотрела на неё, на меня, на салатник, на кота, потом снова на Сару.

- Первое свидание?

- Да.

- Обычно они спокойнее.

Сара сняла пальто.

- Чем помочь?

Меги сразу вручила ей полотенце.

Вот так Сара вошла в мой дом не как гостя, которую я хотел впечатлить, а как человек, который поймал лягушку, пока я снимал кота с полки. Возможно, это было лучше. Красивое впечатление легко разбить. Совместное бедствие держится крепче.

Тур пришлось проводить всё равно. Билеты были проданы, дети уже увидели лягушку, а Линда из совета просила фиксировать посещаемость. Я стоял у котла в джинсах и рубашке, без шляпы, потому что забыл её в спешке. Туристы шептались. Пэйтон объявила, что сегодня особая программа: ведьмак в повседневной одежде.

- Это редкое явление, - сказал я. - Нас легко спугнуть вопросами о налогах.

Смех прокатился по комнате.

Сара стояла у стены с Меги и держала салатник с Пенни. Лягушка выглядела оскорблённой, но целой. Бандит сидел под столом и ел украденного тунца из блюда, потому что Грегг сказал, что проще откупиться, чем вести переговоры с террористом.

Я рассказывал о доме. Не так, как раньше. Не только шутил. Рассказал про ожог на столе. Про то, как в таких домах спали ближе к огню зимой. Про травы, которые сушили у балки,

и про то, что старые вещи кажутся нам романтическими ровно до той минуты, пока не нужно тащить воду в темноте.

Люди слушали. Даже дети.

Один мальчик поднял руку.

- А вы хотели бы жить тогда?

Я посмотрел на Сару. Она смотрела на меня, не помогая и не спасая.

- Иногда мне кажется, что да, - сказал я. - Там всё было знакомо. Но знакомое не всегда хорошее. Просто к нему привыкаешь.

- А сейчас?

- Сейчас у меня есть чайник, который кипятит воду за минуту, кот, который открыл холодильник, и лягушка в салатнике. Я пока разбираюсь.

Мальчик удовлетворённо кивнул. Дети любят честные ответы, если не портить их длинной моралью.

После тура Сара помогла вернуть Пенни в террариум. Бандит попытался потереться о её ноги, делая вид, что не собирался никого есть. Сара присела и почесала его за ухом.

- Красивый кот.

Он поднял подбородок.

У неё есть вкус.

- Он сказал спасибо, - перевёл я.

- Правда?

- Почти.

Меги ушла провожать туристов. Грег мыл салатник в ванной, потому что кухонная раковина в музее была, по его словам, «исторически неудобной». Мы с Сарой остались у стола.

- Странное свидание, - сказал я.

- Да.

- Плохое?

Она подумала. Не для красоты. Действительно подумала.

- Нет. Просто странное. Я устала от свиданий, где люди пытаются выглядеть лучше, чем есть. Вы, кажется, пытались, но у вас не получилось.

- Это обидно или хорошо?

- Хорошо.

Я кивнул, будто понял. На самом деле понял не до конца, но мне понравилось направление.

- Я могу проводить вас до моста.

- Можете.

Мы вышли в парк. Вечер уже опускался, фонари включались один за другим. Я теперь знал, что это не магия, а электричество. Но знание не всегда портит чудо. Иногда оно просто даёт чуду другое имя.

У моста Сара остановилась.

- Спасибо за чай, лягушку и правду о старых домах.

- Спасибо, что не ушли после звонка.

- Я хотела. Потом стало интересно.

- Интересно это лучше, чем страшно?

- Намного.

Она улыбнулась. Я не знал, нужно ли целовать женщину после первого свидания в этом веке. Меги ничего не сказала, потому что была занята запретом душ, зелий и мёртвых животных. Сара, кажется, заметила мою внутреннюю катастрофу.

- Можно без неловких попыток на сегодня, - сказала она.

- Благодарю.

- Но я не против второго чая.

- В кафе?

- Или в вашем доме. Если лягушка согласится.

- Лягушка будет против, но она вообще против многого.

Сара засмеялась и ушла через мост.

Я стоял, пока она не скрылась за деревьями. Потом телефон пискнул.

Сообщение от неё: «Дом правда ведёт себя как дом. Спокойной ночи».

Я написал: «Спокойной ночи. Бандит просит передать, что вы ему понравились, но он всё ещё ждёт рыбу».

Ответ пришёл почти сразу: «Передайте Бандиту, что я подумаю».

Когда я вернулся, Меги сидела на крыльце.

- Ну?

- Она подумает о рыбе.

- Это успех.

- Для кота точно.

Меги улыбнулась и ушла внутрь собирать вещи. Я остался на крыльце. Дом за спиной был тёплым. В кармане лежал телефон, который уже не казался врагом, хотя полностью доверять ему я не собирался. На мосту гасли шаги Сары. В ванной квакала Пенни. Под столом Бандит облизывал блюдо.

Я всё ещё хотел любви. Но впервые за долгое время не хотел добывать её, как редкий ингредиент.

Это было неудобное открытие.

И, возможно, полезное.

На следующий день я обнаружил, что свидание не заканчивается, когда женщина уходит через мост. Оно остаётся в доме. Не целиком, конечно. Сара не сидела на стуле и не мешала мне заваривать чай. Но некоторые её слова задержались в углах, как запах корицы из кафе.

«Вы скучаете по месту, которое всё ещё у вас есть».

Я ходил с этой фразой от окна к столу, от стола к полкам, от полок к камину. Сначала она меня раздражала. Потом стала чесаться под кожей. К вечеру я понял почему. Я привык думать, что меня вырвали из прошлого. Это было удобно. Вырвали, бросили, обокрали. Тогда вся вина лежит на зелье, на Пенни, на Бандите, на проклятой лишней щепотке соли. Но если место всё ещё у меня есть, выходит, вопрос неприятнее. Что я собираюсь с ним делать?

Дом был тем же и не тем. Доски те же, но под ними новые трубы. Окна те же по форме, но в них стекло без пузырей и пятен. Камин тот же, но рядом розетка. Я сам был таким же. Руки помнили, как резать корень, язык помнил старые ругательства, спина помнила, где болит после полёта на метле. Но в кармане лежал телефон, а в голове женщина по имени Сара спрашивала простые вопросы.

Простые вопросы хуже сложных. Сложный можно обойти умным видом. Простой стоит поперёк дороги.

Я решил заняться работой. Работа спасает от мыслей, если она настоящая, с ножом, водой, грязью под ногтями и понятным результатом. Меги хотела новую программу тура. Миссис Алдер хотела историю дома. Линда хотела цифры. Туристы хотели ведьмака. Сара хотела чай. Бандит хотел рыбу. Пенни хотела обратно в человеческое тело, хотя формулировала это однообразным кваканьем.

Только я не знал, чего хочу прямо сейчас.

Поэтому я достал старый блокнот, сел за стол и написал сверху: «Что можно рассказать дому о себе». Потом зачеркнул. Дом и так знал. Написал снова: «Что можно рассказать людям о доме». Это было лучше.

Я начал с воды.

Вода всегда честнее легенд. В старом времени день часто начинался с ведра. Зимой ручка колодезного ворота обжигала холодом. Летом верёвка пахла мокрой пенкой. Если ведро срывалось, ругался так, что птицы взлетали. Люди сейчас открывают кран и говорят, что устали. Они правда устали, я не спорю. Но усталость без ведра имеет другой вкус.

Потом огонь. Огонь был не уютом, а обязанностью. Его надо было кормить, чистить, сторожить. Он грел, варил, сушил, портил воздух, коптил балки и мог забрать дом быстрее, чем пьяный сосед займёт чужое место у стойки. Сейчас огонь в камине стал почти украшением. Люди смотрят на него и думают о покое. Раньше на него смотрели и думали, хватит ли дров до утра.

Потом одиночество. С этим было труднее.

Как рассказать туристу, который пришёл на сорок минут, что одиночество бывает не только печальным? Иногда оно удобное, как старый плащ. Никто не спрашивает, почему ты ешь стоя. Никто не видит, что ты разговариваешь с чайником. Никто не требует быть лучше. Но потом в один вечер понимаешь, что если упадёшь у камина, тебя найдут только по запаху, и даже кот сначала подумает о пользе.

Я написал это почти дословно, потом вычеркнул кота. Меги сказала бы, что слишком мрачно для семейного тура.

Бандит запрыгнул на стол и сел на блокнот.

Ты опять пишешь про меня без согласия?

- Про дом.

Дом не возражает?

- Дом умнее нас обоих и молчит.

Кот подумал.

Тогда напиши, что кот является главным украшением.

- Это исторически спорно.

Историю пишут победители. Я победил пакет с тунцом.

Я снял его с блокнота. Он оскорбился и ушёл к окну. На улице моросил дождь, мелкий и современный, хотя дождь, пожалуй, единственное, что не меняется по векам. Он всё так же падает на бедных и богатых, на новые машины и старые крыши, на человека, который уверен, что готов к жизни, и на человека, который уже знает, что не готов.

К полудню пришла Меги. Она принесла распечатанные отзывы туристов. Бумага была тёплая после принтера и пахла краской. Я не любил принтер. Он плевался листами слишком уверенно.

- Читай, - сказала она.

Отзывы были разные. «Очень атмосферно». «Кот супер». «Ведьмак немного пугающий, но смешной». «Лимонад слишком кислый». «Дети в восторге». «Хотелось больше фактов». «Почему лягушка в ванной?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.